

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 1992 г. АЛПАТОВ В.М.

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Н. ПОППЕ

В июне 1991 г. закончился жизненный путь Николаса (Николая Николаевича) Поппе (1897—1991), одного из крупнейших лингвистов-востоковедов XX в. В течение многих десятилетий имя этого ученого в нашей стране за отдельными исключениями [1, 2] не упоминалось по политическим и идеологическим причинам: в 1942 г. Поппе добровольно перешел на сторону немцев и вскоре навсегда покинул СССР. Теперь настало время восстановить подлинную картину развития мировой монголистики, тюркологии и алтаистики XX в. и дать оценку трудам ученого, занимавшего в течение почти семи десятилетий одно из центральных мест в развитии этих дисциплин.

Н.Н. Поппе в 1921 г. окончил монгольское отделение факультета общественных наук Петроградского университета, где учился у А.Д. Руднева, В.Л. Котвича, А.Н. Самойловича, С.Е. Малова, А.В. Бурдукова и прежде всего у своего главного наставника Б.Я. Владимирцова; еще в студенческие годы он начал преподавание в Институте живых восточных языков и работал лаборантом в Институте географии, где получил подготовку под руководством Л.Я. Штернберга. Сразу после окончания университета он стал преподавать в нем, совмещая преподавание в двух вузах с работой в Азиатском музее, позднее преобразованном в Институт востоковедения АН СССР. Этот институт наряду с университетом оставался основным местом работы Н.Н. Поппе до 1941 г., после смерти Б.Я. Владимирцова в 1931 г. он возглавлял монгольский кабинет института. В 1928 г. Н.Н. Поппе получил звание профессора, а в 1932 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР. В 30-е годы он был признанным главой советской монголистики.

Н.Н. Поппе, всегда отличавшийся большой научной продуктивностью, особенно много работал в 20—30-е годы. За период с 1924 по 1941 г. он опубликовал 157 научных работ, в том числе 27 книг. Мало кто из советских лингвистов тех лет мог сравниться с ним в этом отношении, особенно по числу монографий. И почти каждая из публикаций Н.Н. Поппе представляла значительную научную ценность.

Н.Н. Поппе никогда не прекращал заниматься главной областью своих исследований — монголистикой, но первые его книги были посвящены тюркологии. Это написанная по предложению А.Н. Самойловича краткая, но содержательная грамматика якутского языка [3] и книга, посвященная родственным отношениям чувашского и тюркских языков [4]. Значение последней книги выходит далеко за пределы чувашского языкознания: в ней, как и в некоторых других публикациях 20-х годов, Н.Н. Поппе активно развивал алтайскую гипотезу и занимался реконструкцией праалтайской фонологической системы. К тому времени, хотя алтайская гипотеза существовала уже давно, ее научное обоснование только началось в работах Г. Рамстедта и отчасти Б.Я. Владимирцова. В первый период своей деятельности Н.Н. Поппе развивал некоторые идеи, от которых сам впоследствии отказался, например, о чувашском языке как промежу-

точном звене между тюркскими и монгольскими языками [4, с. 8 и др.], но за короткое время он продвинул вперед алтаистику настолько, что уже через три года после появления первых его публикаций Е.Д. Поливанов ставил молодого ученого на первое место в алтаистике: «Сравнительная грамматика "алтайских" языков... в настоящее время после работ Рамстедта, Б.Я. Владимирцова и в особенности Н.Н. Поппе — уже вышла из стадии подготовительных "нащупываний почвы" и стала вполне наукообразной компаративной дисциплиной» [5, с. 1195].

Однако вскоре публикация алтаистических работ Поппе прервалась на четверть века: в советском языкознании наступило господство «нового учения о языке» Н.Я. Марра, отрицавшего языковые семьи и «буржуазную индоевропеистику». Н.Н. Поппе, как и многие другие ученые, очень быстро сдался и пошел на компромисс с марризмом. Отметим, что его личные отношения с Н.Я. Марром всегда были хорошими: еще в середине 20-х годов он участвовал в выполнявшемся под руководством Марра коллективном труде по числительным [6], а одна из его ранних книг вышла в марровской серии «Материалы по яфетическому языкознанию» [7] (это был первый выпуск серии, принадлежавший ученому, не входившему в близкое окружение Марра, и по тематике выходящий за пределы Кавказа). Влияние марризма во многих работах Н.Н. Поппе сводилось к набору общепринятых в те годы стандартных фраз. Однако в работах конца 20-х и 30-х годов ему постоянно приходилось говорить о «реакционности» праязыковой теории, базирующейся «исключительно на формально-лингвистических исследованиях» [8, с. 3, 23, 54], доказывать, что не монгольские языки исконно родственны, а наоборот, «бурятский язык стал родственным халхаскому и другим монгольским языкам, которые точно так же приобрели свое взаимное родство путем скрещивания» [9, с. 72], и что в прошлом бурятские диалекты отличались друг от друга значительно больше, чем сейчас [9, с. 70]. Даже в 1940 г., когда обстановка в советском языкознании стала на время спокойнее, Н.Н. Поппе опубликовал статью [10], где доказывал «порочность» сравнительно-исторического метода, используя в качестве примера действительно в то время не доказанную гипотезу о родстве алтайских языков с уральскими. Часто встречались у Н.Н. Поппе и другие стереотипы тех лет вроде классовости языка, особенно это относится к двум книгам [8, 9], посвященным в значительной части социолингвистическим проблемам. В результате Н.Н. Поппе был одним из немногих видных советских языковедов того времени, почти не подвергнувшихся печатной травле со стороны марристов, а зарубежные языковеды-марксисты могли даже считать Н.Н. Поппе ученым, приблизившимся к марксизму в языкознании больше, чем сам Н.Я. Марр [11].

Однако главным итогом первых двух десятилетий деятельности ученого стали не работы, в которых заметно влияние марризма, а конкретные исследования, прежде всего по монгольским языкам. После вынужденного отхода от компаративистики двумя основными направлениями работы Н.Н. Поппе были полевые описания монгольских и тунгусо-маньчжурских языков и анализ языка монгольских письменных памятников. Семь лет подряд (с 1926 по 1932 г.) Н.Н. Поппе выезжал в монголистические экспедиции, три раза (1926, 1927, 1929) в МНР и четыре раза (1928, 1930—1932) в районы распространения бурятских диалектов; в некоторых экспедициях помимо их руководителя Н.Н. Поппе участвовали также В.А. Казакевич, Г.Д. Санжеев, Т.А. Бертагаев. В экспедициях был собран обширный материал по многим языкам и диалектам, а также по фольклору. Халха-монгольские материалы, однако, до войны нашли лишь небольшое отражение в публикациях Н.Н. Поппе, успевшего издать только учебник [12] и краткое описание в издававшейся в 30-е годы в Ленинграде интересной серии брошюр "Строй языков" [13]. Зато бурятские материалы были быстро введены в научный оборот. До экспедиций Н.Н. Поппе существовало лишь одно описание бурятского диалекта — хоринского, выполненное в поле-

вых условиях А.Д. Рудневым. Н.Н. Поппе удалось подготовить три детальных описания других диалектов — аларского [14], агинского [15] и баргузинского [16]. На основе всего этого он издал сначала краткое описание всей системы диалектов с основным уклоном в изучение социолингвистических проблем [9], а затем фундаментальную обобщающую бурятскую грамматику [17], равной которой в мировой науке нет и по сей день. Во время одной из экспедиций в Монголию ему удалось найти информанта по почти не известному в то время дагурскому языку (до Н.Н. Поппе даже не было ясно, является ли он монгольским или тунгусо-маньчжурским), в результате было издано первое монографическое описание этого языка в монголистике [18]. Был получен и материал по трем столь же неизученным тунгусо-маньчжурским языкам и диалектам, изданы описания солонского языка [19] и баргузинского диалекта эвенкийского языка [7]; записи эвенкийского диалекта к западу от Байкала так и не увидели свет.

Изучением языка монгольских памятников Н.Н. Поппе активно занимался начиная с 20-х годов [20]. Первым по времени написания его крупным трудом в этой области стало исследование монгольской части четырехязычного арабско-персидско-тюркско-монгольского словаря Мукаддима ал-Адаб, составленного в Средней Азии, как определил Н.Н. Поппе, в XIV в. Рукопись словаря обнаружил в библиотеке бухарского эмира выдающийся узбекский ученый и писатель Фитрат, передавший в Ленинград фотокопии. Исследование Н.Н. Поппе было в основном выполнено в 1929 г. и полностью закончено в 1931 г., однако из-за полиграфических сложностей двухтомный труд вышел в свет лишь в 1938 г. [21]; уже на стадии корректуры пришлось изымать из него упоминания о «враге народа» Фитрате. Наряду с публикацией текста словаря издание содержит выполненный Н.Н. Поппе очерк фонетики и грамматики монгольского языка, отраженного в словаре. Как показал Н.Н. Поппе, «языковой материал словаря Мукаддима ал-Адаб является весьма типичным образчиком обиходной речи XIII—XIV вв.» [21, с. 15]; среди современных языков он ближе всего к языку афганских моголов. Словарь, впервые введенный Н.Н. Поппе в научный оборот, является самым обширным источником сведений о языке среднеазиатских монголов XIII—XIV вв.

В 30-е годы Н.Н. Поппе подготовил два фундаментальных описания фонологии и грамматики средневековых письменных монгольских языков: старописьменного монгольского языка [22] и языка памятников так называемой квадратной письменности [23]; последняя книга, вышедшая в свет уже в начале войны, оказалась последней работой Н.Н. Поппе, изданной при его жизни на родине. Если в области описания старописьменного языка Н.Н. Поппе сделал значительный шаг вперед по отношению к предшественникам, то язык квадратной письменности до него вообще почти не описывался. И подводя итоги своей научной деятельности в воспоминаниях, Н.Н. Поппе, всегда ставивший введение новых фактов в науку важнее всяких обобщений, признал лучшими своими работами издание словаря Мукаддима ал-Адаб и книгу о квадратной письменности [24, с. 348].

Среди работ Н.Н. Поппе 30-х годов следует отметить и Большой монгольско-русский словарь, составлявшийся в течение ряда лет советскими и монгольскими специалистами под его руководством. Судьба этого труда оказалась самой печальной: перед войной он был закончен, но не издан до сих пор, хотя его рукопись сохранилась; одной из причин была невозможность упоминать имя Н.Н. Поппе. Вел ученый в те годы и активную практическую деятельность: участвовал в создании алфавитов на латинской, а затем кириллической основе для языков народов СССР, готовил и консультировал бурятских и калмыцких специалистов, выполнял разнообразные поручения, начиная от участия в подготовке декады бурятской литературы и искусства в Москве в 1940 г. и кончая консультациями офицеров Генштаба в дни Халхин-Гола.

Необходимо сказать и о собственно лингвистической ценности довоенных трудов Н.Н. Поппе. Этот ученый избегал работать в отрыве от конкретного материала хорошо ему известных языков, у него почти нет публикаций по общему языкознанию, однако он несомненно был на уровне передовой лингвистики того времени. Наряду с Е.Д. Поливановым, Н.Ф. Яковлевым, Л.И. Жирковым, А.М. Мервартом, Н.К. Дмитриевым и рядом других языковедов его поколения, описывавших конкретные языки, Н.Н. Поппе старался подходить к исследуемым явлениям в широком контексте, с учетом фактов других языков и общелингвистической теории. Его работы резко отличаются от многих грамматик языков народов СССР, имевших чисто практическую направленность и часто в теоретическом плане находившихся на уровне прошлого века. Здесь Н.Н. Поппе продолжал подход своего учителя Б.Я. Владимирцова, бывшего хорошо подготовленным лингвистом, однако пошел как языковед дальше него. В то время самой развитой и передовой областью науки о языке была фонология, и умение последовательно описывать фонологическую систему языка, отграничивая ее от фонетической, было в грамматиках конкретных языков главным признаком, отделявшим новаторов от традиционалистов. Если Б.Я. Владимирцов в своем главном лингвистическом труде [25] использовал ряд приемов фонемного анализа, но все же не дошел до стадии строго фонологического описания, то у Н.Н. Поппе мы находим последовательно фонологический подход. Правда, в ряде ранних работ он избегает термина «фонема», особенно в описаниях малоизученных диалектов, где в его распоряжении было мало материала. Однако в книге «Строй халха-монгольского языка» [13, с. 8—12] и особенно в бурятской грамматике [17, с. 9—63] мы имеем фонемный анализ, находящийся на передовом для того времени уровне. В области грамматики для Н.Н. Поппе, как и для других упомянутых выше ученых, был характерен отказ от описания языка на основе универсального европейского эталона, стремление к выявлению специфических свойств рассматриваемых языков, попытка системного описания с эксплицированием основных понятий, казавшихся в традиционной лингвистике очевидными. См., например, построение оригинальной системы частей речи, в которой не выделяются прилагательные и наречия, не имеющие в данных языках каких-либо специфических свойств [17, с. 73—75; 22, с. 50]; идею о том, что в монгольских языках «на долю синтаксиса приходится очень много из того, что, в частности, в русском языке выражается особыми формами» [13, с. 19] и «сложное предложение принципиально не отличается от простого» [13, с. 20]; попытки выделить критерии выделения слов, в частности, отграничения суффиксов от послелогов [17, с. 181] и мн. др.

Первый этап деятельности Н.Н. Поппе оборвался с началом войны. В течение последующих восьми лет ученый, превратившийся на оставшуюся часть жизни из Николая Николаевича в Николаса и живший в 1943—1949 гг. в Германии, смог напечатать всего одну статью о квадратной письменности [26]. Сначала мешала война, затем процесс денацификации, когда лица, сотрудничавшие с гитлеровцами, не могли публиковаться.

В 1949 г. Н. Поппе смог получить американскую визу, которой долго добивался, и переселился в Сиэтл, где прожил до конца жизни. До 1968 г. он был профессором университета штата Вашингтон, где прочел большое количество курсов вплоть до славистики и русистики и создал школу монголоведов и алтаистов. Выйдя в отставку, он продолжал активную научную деятельность почти до конца жизни.

Во второй период своей деятельности Н. Поппе также опубликовал очень много научных работ. Только за период с 1957 по 1977 г. он издал 18 книг (включая и английские варианты книг, вышедших ранее в СССР) и более 100 статей, не считая рецензий [27, с. 1]. По содержанию они в основном продолжали прежние исследования. Теоретический подход в целом также не менялся. Перейдя в своих публикациях с русского языка на английский и немецкий (впрочем,

он активно печатался по-немецки в зарубежных изданиях и в 20-е и в начале 30-х годов, пока советским ученым не было запрещено печататься за рубежом), Н. Поппе воспринял некоторые понятия англоязычной лингвистической традиции вроде понятия clause, не имеющего полного аналога в русскоязычной лингвистике [28 и др.] (см. также отказ в той же работе от понятия части речи с заменой на "формальные и функциональные классы"). Однако от идей окружавшей его американской дескриптивной и генеративной лингвистики он отгородился почти полностью, оставшись в основном на старых позициях структурализма. Вообще, как отмечают и люди, общавшиеся с Н. Поппе после 1949 г., он до конца так и не смог американизироваться, оставшись по духу европейцем.

Первой крупной работой Н. Поппе, изданной на Западе, была начатая еще в Ленинграде, продолженная в Берлине и законченная в Сиэтле большая грамматика халха-монгольского языка [29]. Затем он вернулся к бурятской грамматике, подготовив ее значительно сокращенный, приспособленный для учебных целей и несколько американизированный вариант [30]. Им также были изданы собранные в Монголии фольклорные тексты с описанием их языковых особенностей [31]. В 60-е годы Н. Поппе опубликовал на английском языке новое, переработанное издание грамматики письменного монгольского языка [32]. Наконец, в то же время под редакцией Н. Поппе вышло коллективное введение в монголистику [33], где ученому принадлежат введение, описывающее алтайский языковой тип, описания письменного монгольского, бурятского, ордосского и дагурского языков. В начале 60-х годов Н. Поппе вернулся к тюркологии, подготовив учебные татарскую [28] и башкирскую [34] грамматики, составленные по схеме, разработанной при написании бурятской грамматики [30]. Активно работал он и в жанрах рецензии и критического обзора; в частности, он продолжал следить за советскими изданиями и вводил в научный оборот содержащуюся в них информацию, мало известную в мировой науке из-за языкового барьера. При активном неприятии советского строя Н. Поппе в оценке научных работ стремился к объективности. Особо следует отметить его обзоры советской тюркологии и монголистики и языкознания МНР в коллективном многотомнике по истории лингвистики [35, 36].

Но главной областью лингвистических исследований Н. Поппе в 50—60-е годы была компаративистика. Вынужденный перерыв в его публикациях по данной теме имел одно преимущество: к тому времени, когда ученый вернулся к алтаистике, произошло значительное по сравнению с 20-ми годами накопление фактического материала, в том числе и благодаря деятельности самого Поппе. В частности, прамонгольские реконструкции Г. Рамстедта и Б.Я. Владимирцова к 50-м годам уже устарели из-за недостаточности использованных данных. Поэтому Н. Поппе должен был создать новую прамонгольскую реконструкцию с учетом алтайской перспективы. Фундаментальная сравнительная фонетика и грамматика монгольских языков, законченная в 1952 г., вышла в 1955 г. [37], став первостепенным событием в мировом сравнительно-историческом языкознании. Следующим этапом была алтайская реконструкция, окончательный вариант которой, значительно продвинутый по сравнению с публикациями 20-х годов, вышел в 1960 г. [38]. Н. Поппе расширил и уточнил исследования, начатые Г. Рамстедтом, используя материал большого количества тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков и диалектов с привлечением корейского материала (недостатком его реконструкций можно считать отказ от рассмотрения японского языка, принадлежность которого к алтайской семье Н. Поппе подвергал сомнению; однако такое ограничение, возможно, было и правомерным на определенном этапе исследований). В те годы в мировой лингвистике только Н. Поппе мог решить столь сложную задачу; с тех пор его реконструкции прочно вошли в науку о языке и лишь в самое последнее время они начали подвергаться уточнению и частичному пересмотру в работах С.А. Старостина [39]. Итогом многолетних алтаистических исследований Н. Поппе стала фундаментальная книга [40].

В краткой статье мы лишь контурно описали лингвистическое наследие выдающегося ученого и вовсе не коснулись его вклада в изучение культуры, литературы, фольклора монгольских народов, который также весьма велик. Следует отметить и завершившие его долгий научный путь воспоминания, изданные в английском [41] и расширенном японском [24] вариантах, во многом, как и положено мемуарам, субъективные, но дающие немало интересного материала о научной жизни тех стран, в которых Поппе пришлось жить. Библиографию его трудов до 1977 г. см. в книге [27].

Как бы ни относиться к некоторым обстоятельствам биографии Н. Поппе, несомненно, что наука потеряла в 1991 г. очень крупного ученого. Необходимо разобраться в его обширном наследии, четко оценить тот неоспоримый вклад в языковедение, который он внес, а главное, издать, наконец, в нашей стране его главные труды послевоенных лет и переиздать его лучшие работы 20—30-х годов, давно ставшие библиографической редкостью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Востоковедение в Ленинградском университете. Л., 1960.
2. *Шевверина З.В.* // ВЯ. 1970. № 2. Ред.: Poppe N. The Mongolian People's Republics // Current trends in linguistics. V. 2. The Hague, 1967.
3. *Поппе Н.Н.* Учебная грамматика якутского языка. М., 1926.
4. *Поппе Н.Н.* О родственных отношениях чувашского и тюркско-татарского языков. Чебоксары, 1925.
5. *Поливанов Е.Д.* К вопросу о родственных отношениях корейского и «алтайских» языков // Изв. АН СССР, Сер. VI, Т. XXI. № 15—17. Л., 1927.
6. Языковедные проблемы по числительным. Л., 1927.
7. *Поппе Н.Н.* Материалы для исследования тунгусского языка. Наречие баргузинских тунгусов // Материалы по яфетическому языковедению. Т. XIII. Л., 1927.
8. *Поппе Н.Н.* Лингвистические проблемы Восточной Сибири. Москва; Иркутск, 1933.
9. *Поппе Н.Н.* Бурят-монгольское языковедение. Л., 1933.
10. *Поппе Н.Н.* Урало-алтайская теория в свете алтайского языковедения // ИАН СЛЯ. 1940, № 3.
11. *Sauvageot A.* Linguistique et marxisme // A la lumière du marxisme. V. 1. P., 1935.
12. *Поппе Н.Н.* Практический учебник монгольского разговорного языка. Л., 1931.
13. *Поппе Н.Н.* Строй халха-монгольского языка // Строй языков. Вып. 3. Л., 1936.
14. *Поппе Н.Н.* Аларский говор. Ч. I—II. Л., 1930—1931.
15. *Поппе Н.Н.* Заметки о говоре агинских бурят. Л., 1932.
16. *Poppe N.* Skizze der Phonetik des Bargu-Burjätischen // Asia Major. 1931. 7.
17. *Поппе Н.Н.* Грамматика бурят-монгольского языка. М.; Л., 1938.
18. *Поппе Н.Н.* Дагурское наречие. Л., 1930.
19. *Поппе Н.Н.* Материалы по солонскому языку. Л., 1931.
20. *Poppe N.* Geserica. Untersuchung der sprachlichen Eigentümlichkeiten der mongolischen Version der Gesserikhan // Asia Major. 1926. 3.
21. *Поппе Н.Н.* Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб, Т. I—II. М.; Л., 1938.
22. *Поппе Н.Н.* Грамматика письменномонгольского языка. М.; Л., 1938.
23. *Поппе Н.Н.* История монгольской письменности. I: Квадратная письменность. М.; Л., 1941.
24. *Поппе Никорасу.* Кайсо:року (Воспоминания). То:кё:о, 1990.
25. *Владимирцов Б.Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929.
26. *Poppe N.* Die Sprache der mongolischen Quadratschrift und das Yüan-ch'ao pi-shi // Asia Major N.F. 1944. 1.
27. *Nicholas Poppe.* A bibliography of publications from 1924—1977. Seattle, 1977.
28. *Poppe N.* Tatar Manual: Descriptive grammar and texts with a Tatar-English glossary. Bloomington, 1963.
29. *Poppe N.* Khalkha-Mongolische Grammatik. Wiesbaden, 1951.
30. *Poppe N.* Buriat grammar. Bloomington, 1960.
31. *Poppe N.* Mongolische Volksdichtung: Sprache, Lieder, Märchen und Heldensagen. Wiesbaden, 1955.
32. *Poppe N.* Grammar of written Mongolian. Wiesbaden, 1964.
33. *Mongolistic.* Leiden; Köln, 1964.
34. *Poppe N.* Bashkir manual. Descriptive grammar and texts with a Bashkir-English glossary. Bloomington, 1964.

35. *Poppe N. Altaic // Current trends in linguistics. V. 1: Soviet and East European linguistics. The Hague, 1963.*
36. *Poppe N. The Mongolian People's Republics // Current trends in linguistics. V. 2. East Asian linguistics. The Hague, 1967.*
37. *Poppe N. Introduction to Mongolian comparative studies. Helsinki, 1955.*
38. *Poppe N. Vergleichende Grammatik der Altaischen Sprachen. T. 1. Wiesbaden, 1960.*
39. *Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 1991.*
40. *Poppe N. Introduction to Altaic linguistics. Wiesbaden, 1965.*
41. *Poppe N. Reminiscences. Bellingham, 1983.*